

После приступа кашля Хуа Чжаошуй, казалось, успокоился, обмяк и облокотился на него.

— Молодой господин, — начал он, — я бы никогда не осмелился противиться вашим желаниям, даже если бы моя купчая была у меня на руках. Если бы вы приказали мне что-то сделать, я бы не посмел ослушаться. Но почему... почему вы держите меня здесь, словно котенка или щенка на привязи...

Шэн Цзяньвэй погладил его по лицу, наблюдая, как тот закрывает глаза в его ладони, и после короткого раздумья произнес:

— Ты говоришь, что слушаешь меня, но действительно ли это так? Даже кошка или собака, если у них есть ноги, могут в любой момент исчезнуть, не говоря уже о тебе.

Эти слова словно гнетом легли на сердце Хуа Чжаошуй. Он вдруг понял, почему сегодня молодой господин был особенно терпелив — он наблюдал за своим непослушным питомцем, который, как бы ни бунтовал, все равно не мог вырваться из этой комнаты. Шэн Цзяньвэй убедился, что это его собственность, и потому не жалел терпения.

На самом деле Хуа Чжаошуй не был слеп к сильной потребности хозяина контролировать его. Раньше, если он говорил лишнее слово с кем-то другим, молодой господин тут же злился, и он всегда был осторожен. Но Шэн Цзяньвэй никогда не отличался терпением и ненавидел, когда его вещи трогали другие. Хуа Чжаошуй думал, что, покинув Дом Шэн и перестав быть рядом с ним, хозяин оставит его в покое.

Но, глядя на свое нынешнее положение, он понял, что совершенно ошибался.

Чего он на самом деле хочет? Хуа Чжаошуй перевернулся на бок, отвернувшись от Шэн Цзяньвэя, и закрыл глаза.

Хуа Чжаошуй начал терять счет времени. Он стал менее чувствителен к смене дня и ночи, зато теперь мог ясно видеть, как в клетке за окном умирают одна за другой птицы.

Он чувствовал, что молодой господин стал очень занят и давно не навещал его. Только слуги приходили ухаживать за ним, приносили еду, но они не поднимали на него глаз и тем более не разговаривали с ним.

Наверное, чтобы он снова не навредил себе, даже посуду заменили на деревянную, а в комнате не осталось ни одной вазы.

Каждый раз, когда Шэн Цзяньвэй приходил, он сначала ласково разговаривал с ним, уговаривал поесть, затем обнимал, наблюдал, как тот срыгается, с трудом успокаивал, а потом снова доводил до срыва. Так происходило почти каждый раз.

С момента последнего визита хозяина прошло уже пять дней, и в последние дни, услышав шаги за дверью, он тут же выпрямлялся. В какой-то момент, в который раз реагируя таким образом, он вдруг с ужасом осознал — он начал жаждать увидеть молодого господина. Ведь только так можно было немного облегчить одиночество и страх, которые он испытывал, будучи запертым здесь.

Свернувшись в клубок, он как раз размышлял об этом, когда в комнату вошел не появлявшийся несколько дней Шэн Цзяньвэй. Он был еще в официальной одежде, с виду уставший и запыленный.

Войдя, Шэн Цзяньвэй сразу заметил Хуа Чжаошуй, сидящего босиком у окна, подошел и, как обычно, обнял его, положив пальцы на его ступню.

— Почему ты снова без обуви?

Хуа Чжаошуй уже не так остро реагировал на его прикосновения и, глядя в окно на птиц, ответил:

— Я даже из комнаты не могу выйти, зачем мне обувь?

Красная веревка на его ноге была достаточно длинной, чтобы он мог свободно передвигаться по комнате, но недостаточно, чтобы выйти за дверь.

Шэн Цзяньвэй нахмурился.

— Если я позволю тебе прогуляться во дворе, ты сможешь избавиться от этого... мертвенного вида?

Хуа Чжаошуй повернулся к нему, шевельнул ногой, сбросив его пальцы, и сказал:

— Молодой господин, вы ведь держите меня здесь именно для того, чтобы видеть меня таким, почему же теперь сами недовольны?

Шэн Цзяньвэй пристально посмотрел ему в глаза. Раньше в них был живой блеск, они могли испуганно отводиться в сторону, но в них также светилась искренняя радость. А сейчас, в этот момент, Шэн Цзяньвэй увидел в них только пустоту и мелькнувшую на миг ненависть.

Он взял его за руку, и тот не сопротивлялся. Другой рукой Шэн Цзяньвэй расстегнул пояс и бросил его в сторону, произнеся усталым тоном:

— Давай здесь. Или ты отнесешь меня на кровать, я не хочу двигаться.

Шэн Цзяньвэй смотрел на его профиль и вдруг понял, что действительно совершил ошибку. Он вспомнил слова Хуа Чжаошуй: некоторые птицы без свободы действительно умирают.

Он еще не успел ничего сказать, как Хуа Чжаошуй вдруг заговорил, указывая в окно:

— Молодой господин, в третьей клетке, прикажите кому-нибудь убрать.

Шэн Цзяньвэй тоже посмотрел туда.

— Что с клеткой?

Хуа Чжаошуй спокойно ответил:

— Птица там умерла. Уже несколько дней, но вы не приходили, и мне не с кем было поговорить, поэтому труп так и остался внутри.

Пальцы Шэн Цзяньвэя на руке Хуа Чжаошуй сжались.

— Понял.

— Хочешь послушать, что происходит снаружи?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Я не приходил столько дней, потому что при дворе возникли проблемы. Моего отца обвинили более десяти чиновников, моего старшего брата понизили в должности, госпожа Чжаои оказалась под домашним арестом, и теперь только я могу что-то сказать.

Хуа Чжаошуй смотрел на него, не произнося ни слова.

Шэн Цзяньвэй сел у его ног, продолжая держать его за руку.

— В прошлый раз я говорил, что дам тебе компромат на меня. Теперь ты хочешь его? То, что может погубить меня.

Хуа Чжаошуй приоткрыл рот, его выражение смягчилось, но он так ничего и не сказал, отвернувшись.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся.

— Помнишь, как я в прошлый раз брал тебя в Цзяннань? Я тогда вел дела с кланом Сюй. Знаешь, чем я занимался?

Хуа Чжаошуй заинтересовался.

— Вы говорили, что клан Сюй занимается торговлей рисом и мукой.

— Сейчас самый прибыльный товар — это не рис или мука, а соль. Рис и мука — лишь прикрытие.

Хуа Чжаошуй удивился.

— Но... соль контролируется государством, простым людям нельзя...

Он замолчал на полуслове, широко раскрыв глаза.

— Молодой господин, вы занимаетесь контрабандой соли? За это ведь казнят!

Шэн Цзяньвэй, явно довольный его реакцией, искренне рассмеялся.

— Конечно, я знаю. Поэтому я говорю тебе: ты можешь выйти и донести на меня. Скажи им, чтобы они проверили меняльную лавку, в которую я часто хожу, и ресторан Цинфу. В учетных книгах ресторана есть поддельные записи — это доказательства моей торговли контрабандной солью.

Хуа Чжаошуй был ошеломлен, долго не мог вымолвить ни слова, а затем пробормотал:

— Вы держите меня здесь, и я вас ненавижу, но я не хочу вас убивать. Я уже говорил это.

Шэн Цзяньвэй наклонился и поцеловал его в глаза, прижавшись лбом к его лбу, медленно поглаживая его волосы, словно принимая какое-то важное решение.

Хуа Чжаошуй, смущенный его поведением, не выдержал и спросил:

— Молодой господин, почему вашего отца обвинили?

Шэн Цзяньвэй ответил:

— Слишком высоко забрался, вот и стал мишенью.

Хуа Чжаошуй не разбирался в делах двора, поэтому просто кивнул, не зная, что сказать.

Шэн Цзяньвэй вдруг поднял глаза и, глядя на него, спросил:

— Ты хочешь, чтобы я отпустил тебя?

Хуа Чжаошуй без колебаний кивнул, но затем услышал следующий вопрос:

— Тебе так не нравится быть рядом со мной?

На этот раз Хуа Чжаошуй заколебался, прикусил губу и наконец сказал:

— Молодой господин, я вас не ненавижу, я вас боюсь. Я не могу угадать ваше настроение, я не знаю, что сделать, чтобы вы не злились на меня. Мне не нравится, что вы держите меня здесь и не позволяете мне разговаривать с другими. Молодой господин, я человек, а не ваша кошка или собака, мне не нравится, как вы со мной обращаетесь.

Говоря это, он дрожал, уголки губ опустились, голос звучал жалобно, а пальцы в руке Шэн Цзяньвэя беспокойно шевелились.

Выслушав его, Шэн Цзяньвэй лишь сказал:

— Понял.

Он пришел с намерением сказать что-то, но в этот момент передумал. Он спросил:

— Если я отпущу тебя, ты все еще будешь ненавидеть меня?

Хуа Чжаошуй поднял лицо, глаза его уже были влажными, но он не понял смысла вопроса, просто смотрел на него, не отвечая.

Шэн Цзяньвэй погладил его по лицу, и в его глазах появилось что-то, чего Хуа Чжаошуй никогда раньше не видел.

— Если ты решишь сбежать, сделай это быстро, чтобы я не нашел тебя. Я отпускаю тебя, и ты должен немедленно покинуть город Цзиньюнь, не задерживайся ни на день, понял?

<http://bllate.org/book/16756/1562933>